

За столом мать Ше не умолкала, расспрашивая о недавних делах семьи Пэй Яньнана, а тот вежливо отвечал.

Видя, что Пэй Яньнань занят беседой с матерью и не обращает на него внимания, Ше Цинши наконец позволил себе немного расслабиться. Он замедлил дыхание и тихонько уплетал еду в своем углу, боясь лишь одного — чтобы про него не вспомнили.

Он и не подозревал, что Пэй Яньнань, сидевший напротив, не спускал с него глаз. Заметив, как у Ше Цинши раздулись щеки от еды, а рука с палочками сосредоточенно выбирает рыбки косточки, Пэй Яньнань смягчился, а в его глазах промелькнула нежность.

Все тот же характер, что и в детстве: ничто в мире не может помешать ему поесть. Как же это хорошо.

Тем временем мать Ше, узнав, что Пэй Яньнань уже приглашен профессором в S-университет, с одной стороны, восхищалась его успехами в столь юном возрасте, а с другой — вспоминала собственного сына, который с трудом окончил университет, и от этих мыслей у нее закипала кровь. Она не удержалась и бросила взгляд на Ше Цинши. Увидев, как у того загорелись глаза от особенно вкусного блюда, она даже рассмеялась от бессилия. Глубоко вздохнув, она привычно принялась заниматься самовнушением:

— Свой же сын, каким бы ни был никчемным, все равно родной. Не злиться, не злиться...

Ше Цинши был настолько погружен в трапезу, что почти забыл о присутствии Пэй Яньнана, пока случайно не услышал:

— Родовое поместье Пэй уже на реконструкции. Я перевелся работать сюда, так что теперь буду жить в стране постоянно.

Кусок мяса застрял у него в горле, проглотить его было невозможно. Он тут же замедлил темп и наострил уши, вслушиваясь в их разговор.

Следом мать Ше с беспокойством спросила, где Пэй Яньнань остановился сейчас. Услышав, что он живет в отеле, она осталась недовольна и упрекнула его:

— Неужели ты стал таким чужим после того, как уехал за границу? Пока поместье ремонтируют, мог бы пожить у нас.

Столкнувшись с заботой матери Ше, Пэй Яньнань скромно и вежливо объяснил, что в отеле удобнее — до S-университета ближе. Мать Ше подумала, что их дом и вправду далековато от вуза, но все же не могла позволить ребенку, на глазах которого она росла, ютиться в гостинице. И тут она переключила свое внимание на сына.

— А-Ши, — позвала она так сладко, будто в голосе был растворен сахар.

Увидев, что мать улыбается ему с таким подобострастным видом, Ше Цинши внезапно покрылся мурашками, и палочки едва не выпали из рук.

— Мам, не пугай меня. Если что-то нужно — говори прямо, не надо изображать одержимую.

Шутки шутками, но за двадцать с лишним лет жизни Ше Цинши ни разу не видел, чтобы мать обращалась к нему так ласково.

Услышав такой отпор, мать Ше тут же сбросила маску доброты и перешла к делу:

— Пусть Яньнань пока поживет у тебя. Твоя квартира недалеко от S-университета, побудет там, пока в поместье не закончат ремонт.

Что?! Ше Цинши в изумлении подскочил со стула и отрезал, что это невозможно. Поймав на себе тяжелый взгляд матери, он испуганно сел обратно и, запинаясь, принялся объяснять:

— Ты же сама говорила, что у меня там свинарник. Как можно позволить Пэй Яньнаню...

Ше Цинши украдкой наблюдал за их реакцией. Заметив, что мать помрачнела из-за того, что он назвал Пэй Яньнаня по полному имени, он поспешно добавил:

— ...старшему брату жить в свинарнике? Это же такое неуважение к нему.

Он посмотрел на них с самым искренним видом, надеясь, что они поверят. Хотя сам он в это не верил, но ни в коем случае нельзя было позволить Пэй Яньнаню переехать к нему. И дело было не только в страхе перед ним — в квартире ведь еще оставался А-Юй.

— Оказывается, А-Ши боится меня обидеть, — вовремя вставил Пэй Яньнань, перекрывая Ше Цинши пути к отступлению. — Не переживай, я ничуть не расстроюсь, если буду жить с тобой.

Увидев, как помрачнело лицо сидящего напротив парня, как покраснели его пухлые щеки от досады, Пэй Яньнань не удержался и тихо рассмеялся.

Ше Цинши и так был крайне недоволен, а будучи неглупым человеком, сразу понял, что Пэй Яньнань намеренно загоняет его в угол. Услышав смех, он решил, что над ним издеваются, и окончательно взъерошился. Но в присутствии матери он не мог дать волю эмоциям, и ком негодования застрял у него в горле. В оставшееся время он яростно жевал еду, словно пытаясь проглотить самого Пэй Яньнаня.

...

В машине Гу Чэнь с болью в сердце прижимал к себе Цинь Юяня, который был без сознания от жара, и осторожно снял с него медицинскую маску. Даже подготовившись морально, он задохнулся от боли, увидев, насколько бледно и изможденно выглядело лицо парня, а губы лишились всякого цвета.

Гу Чэнь чувствовал, будто его сердце обвязали тонкой прозрачной нитью, которая медленно, мучительно затягивалась, лишая его дыхания. Он крепче прижал Цинь Юяня к себе, пытаясь унять эту разрывающую душу боль, но тот внезапно застонал от муки, и на его лбу выступили капли пота. Гу Чэнь испугался до смерти.

Только сейчас он заметил, что левая рука Цинь Юяня безвольно висит, даже в бесспамятстве не расслабляясь. Он с замиранием сердца вытянул руку из-под куртки — она была повреждена. Из-за того, что время было упущено, на ладони вздулись волдыри, и обширная рана выглядела пугающе. Вспомнив, что наверняка сам задел его руку, Гу Чэнь почувствовал, что не может дышать от боли. Онемевшими пальцами он достал телефон и отправил сообщение домашнему врачу: Подготовьте еще лекарства от ожогов.

...

Когда Цинь Юянь очнулся, он обнаружил, что лежит в мягкой постели. В правую руку была поставлена капельница, а левая, обожженная, смазана прохладной мазью. Он некоторое время бездумно смотрел в потолок, а затем вернул себе прежний легкомысленный и безразличный вид.

— Интересно, кто этот добрый человек, что подобрал меня.

Он тихо усмехнулся и принялся осматривать комнату. Типичный европейский стиль, сдержанный дизайн мебели, подчеркивающий вкус хозяина. Классическое сочетание черного и белого, глубокие тона, повсюду висят изысканные темно-красные турецкие гобелены с резьбой — просто, но со вкусом. Мягкий лунный свет падал из окна на тяжелый серый ковер и кресло, а в воздухе витал тонкий аромат сандала...

В этот момент Гу Чэнь за дверью как раз обсуждал состояние пациента с врачом. Услышав глухой стон, он поспешно вошел в комнату. Увидев, что Цинь Юянь пришел в себя и пытается дотянуться до стакана воды, он наконец смягчился в лице.

— Хочешь пить?

Гу Чэнь заговорил мягко, подложил подушку под спину Цинь Юяня и, взяв стакан, поднес его к его губам. Цинь Юянь, видимо, был измучен жаждой и не обратил внимания на такую заботу, жадно выпив теплую воду из рук Гу Чэня. Обожженное горло наконец почувствовало облегчение.

— Можно еще?

Цинь Юянь поднял голову, посмотрел на Гу Чэня блестящими глазами, и его голос прозвучал хрипло.

<http://bllate.org/book/20331/2030051>